

Эрн В.Ф. Общее дело // Утро России. 1915. 6 янв. № 6. С. 2. Печ. по Эрн. В.Ф. Сочинения. С. 342-347.

ОБЩЕЕ ДЕЛО

I

Сейчас у нас настает трудное время. В начале войны по всей России прокатилась волна мощного возбуждения. Даже слабые и сомневающиеся, высоко приподнятые небывалым приливом народного самосознания, кричали сильные слова и готовы были «пророчествовать». Теперь волна схлынула, и вот те, кто не жили своею силою и своею верою, прямо с гребня хлюпнулись, в ямы и, потеряв «начало движения», стали роптать, сомневаться, с жадностью подхватывать вздорные слухи и всеми правдами и неправдами «разводить» тягостный, душный, предательский пессимизм.

Мы не думаем, чтобы волна высокого одушевления и подъема, которая для всех захваченных ею дала совсем особое и новое чувство России, схлынула в какое-то небытие. Волна схлынула туда, откуда пришла, т. е. в не-исследимое море народного чувства и народного глубинного бытия. Это море как было, так и осталось бездонным, неисчерпаемым, таинственным, беспредельно могучим. Одушевление по какому-то высшему биологическому закону направилось в те органы народного организма, в коих сосредоточилось все будущее России, т. е. в воинство наше, в руках которого чудесным сплетением судьбы очутились наша национальная жизнь и наша национальная смерть. Произошел несомненный отлив энтузиазма, и только тайным передвижением всех энергий народной воли можно объяснить нечеловеческое напряжение, нечеловеческую выносливость и нечеловеческое мужество наших серых богатырей*.

Наша народная воля — там, на полях сражения; это очевидно и несомненно: она гигантскими буквами пишет в истории героический и трагический эпос, перед которым давние были Гомера кажутся почти детской игрой и забавой. И это отрадное и мудрое сосредоточение всех энергий народа в том пункте, где они в данный момент более всего нужны, — своим фатальным и тяжелым коррелятом имеет оскудение энтузиазма в тылу, падение духа и уверенности в тех, кто остался у своих очагов, в спокойных условиях мирной жизни.

II

Свершается поистине нечто странное и парадоксальное. В то время как материально Россия питает и всячески поддерживает армию, принимает раненых, делает бесконечные сборы на нужды войны, устраивает семьи ушедших, посылает все новые и новые поезда снарядов и резервов, — в это время духовно Россия сама питается армией, поддерживается ее непоколебимою верою, ее сосредоточенным спокойствием или, говоря проще, ее героизмом: по крайней мере, это относится к образованным, читающим и рассуждающим, интеллигентным и полуинтеллигентным классам.

Выходит, таким образом, что на плечи армии возлагаются вместо одной две тяжелейшие задачи: она должна бороться и нас ободрять. Она должна жертвенной

гибелью многих тысяч своих славных сынов спасти нас и детей наших от ужасов германского завоевания и в то же время пылать не только воинским, специфически боевым одушевлением, относящимся, так сказать, к стратегической обстановке войны, но еще быть духовной опорой российского «существования» и обывательства, скалой, сокрушающей утомительную непрерывную «зыбь и рябь» с тылу идущего скептицизма.

Вряд ли кто-нибудь станет настаивать, что такое положение нормально. Конечно, двойная страда украшает двойной славой нашу армию. Кроме героизма военного, она стяжает нетленные венцы героизма духовного. Но это вряд ли делает честь оставшимся, вряд ли украшает страну, как бы выславшую из себя все героическое и духовно через это «обнищавшую». Больше того: такое положение таит в себе величайшую опасность и ставит под риск все достигнутое, все высшие цели войны.

Раненые солдаты и офицеры в один голос говорят, что при всех испытаниях и лишениях, которым они подвергаются, больше всего их поддерживает то, что за собой они чувствуют свой народ. Малейший знак внимания, коробка папирос или теплые рукавицы, пришедшие от «своих», переживаются ими как великая радость только потому, что они особенно жадны к каждой невидимой, эфирной ниточке, которая тянется к ним из далекой родины. В этих «ниточках» у них есть страстная и совершенно духовная потребность. Участники японской войны отмечают, что настоящая война радикально отлична от той войны прежде всего тем, что тогда за ними расстилалась чудовищная пустота, почти полный отрыв от «эфирного тела» России, теперь же воюет Россия, а не полки и дивизии, и каждый солдат себя чувствует частичкой гигантского общего дела, не отвлеченно-военного дела, но и дела всероссийского и даже всечеловеческого. И не в расстояниях тут дело — не в том, что теперь война ведется близко, под боком. Сибирские полки, принимавшие участие в сарыкамышской победе *, едва ли не дальше брошены от места своих стоянок, чем когда они сражались в Манчжурии.

«Ниточки» важны не как пути сообщения в буквальном смысле слова, не как то, что физически сокращает пространство, а как средство общения, как то, что духовно единит с невидимой, оставленной позади родиной.

III

Говоря об опасности, я вовсе не хочу сказать, что нитей, бегущих от оставшихся к ушедшим на бранную страду, мало. К счастью, их очень много. Армия и Россия — единое тело и единый организм. Но эти нити, связующие и объединяющие, относятся к определенным порядкам. В отношении к армии у нас много самых лучших чувств: жалости, сочувствия, опасений, боязни, восторга — все переживания, в которых мы являемся исключительно воспринимающей стороной. Они дают, а мы принимаем. Они действуют, а мы следим за ними взволнованным чувством. Мы всячески стараемся обставить их материально, но все, что мы делаем для них, сводится лишь к улучшению тех условий и той обстановки, в которых они действуют, а отнюдь не к самому действию их, в котором никакого участия мы не принимаем. Они побеждают — мы восторгаемся; они терпят частичные неудачи — мы падаем духом. Но само действие есть всецелое дело их, и тут они помощи от нас никакой не имеют.

Между тем мы могли бы быть настоящими участниками их подвига, и не вступая в ряды их. Ведь кроме активности внешней, есть активность внутренняя. Она не видна для глаза, но она столь же действительна, как и активность внешняя. Мы должны внутренне войти в дело их и, кроме нитей сочувствия и страдания, протянуть массу эфирных нитей, по которым вливались бы в них наша решимость, наше бесповоротное решение, либо сделать все дело до конца, либо совсем перестать существовать. Мне кажется, что в глубинах своих народ так и относится к этой войне. Я слышал, как один старик говорил: «Войско побьют, мы сами встанем, а тому, что немец задумал, быть не допустим». Армия должна чувствовать, что за ее спиной сосредоточены беспредельные количества потенциальной энергии, каждую минуту готовой перейти в «кинетическое» состояние. Тогда она будет чувствовать себя не единственным действующим лицом, а лишь первыми рядами, за которыми в нужную минуту может встать весь народ.

Это относится не к цифре резервов, которые мы можем выставить, а к качеству самого дела. Армия должна чувствовать за собой не только миллионы возможных воинов, не только огромное, подавляющее число их, но и внутреннюю беспредельность народного решения, его авторитетное единодушие и целостность.

В платоновском «Пиршестве» Алкивиад рассказывает, что в одной битве, когда греки были разбиты и им пришлось спешно отступать, Сократ выказал необыкновенное присутствие духа. В то время как товарищи его бежали и в растерянности были настигаемы и поражаемы врагами, Сократ медленно и спокойно шел, но с таким грозным видом и с такой решимостью дорого продать свою жизнь, что никто из преследующих не осмеливался к нему приблизиться, а свои, смотря на него, оправлялись от страха и вновь становились грозными для врагов. Вот великолепный пример того, что может сделать одна внутренняя решимость! Сократ не размахивал мечом, не бросался сам на преследующих, но зато потенциал неожиданных воинственных действий в нем был столь велик и столь красноречив, что его молчаливое спокойствие и сосредоточенная воля без всяких внешних движений с его стороны заставляли даже разгоряченных врагов избегать приближения к нему.

Говорят, что Вильгельм цинично сказал, что нервы у немцев крепче и лучше, чем у русских, и потому победят немцы. Нельзя отрицать, что немцы весь XIX век с великим усердием изучали «нервы», и по этой части они — великие знатоки. Но за нервами они проглядели душу. Внутренняя решимость есть дело души, а когда душа народа бесповоротно и твердо решит быть готовой каждую минуту перевести в актуальное состояние бесконечные запасы своих скрытых энергий, тогда, конечно, никакие немецкие нервы не выдержат, ибо поистине невыносимо зрелище 170-миллионного народа, который с сократическим спокойствием и упорством решил двигаться туда, куда велит двигаться история, и делать дело, возложенное на него Провидением.

IV

Мы должны понять наконец, что в величайших событиях нашего времени никто не должен, не смеет считать себя частным человеком. Больше чем когда-нибудь становятся действительными слова Евангелия: «Кто не за нас, тот против нас; кто не собирает, тот расточает» *. Мы ответственны не только за наши поступки и за наши слова, но и за наши настроения. Жадно схватывать непроверенные слухи,

раздувать заминки и неудачи, преуменьшать флегмой или сомнением огромные успехи, вообще суетиться, сплетничать, наговаривать вокруг мировых событий — это значит вовсе не оставаться в стороне («я-то тут ни при чем», «что слышал, то и передаю», «да ведь я не сомневаюсь в успехе»), а самым реальным образом участвовать в событиях, но только не в положительном, а в отрицательном смысле, т. е. помогая силам враждебным и предавая дело свое. Мы без конца восторгаемся и гордимся светлым героизмом нашего воинства и все же думаем, что сталь духа, несокрушимая энергия веры в свое историческое призвание и в правоту и провидений а льность своего дела должны коваться не на полях сражения (или по крайней мере не только на них), а в том глубинном сердце всего нашего народного существа, к которому живым образом относится сердце каждого из нас. Иначе нам грозит двойная опасность: внешняя и внутренняя.

Внешняя — потому что, не будучи сами активны и «решительны», мы изолируем духовно армию и тем ослабляем ее в борьбе, из которой она может выйти победительницей лишь после величайших испытаний; внутренняя — потому что после войны нам предстоит и свое собственное сложное устройство и ответственное участие в мировом строительстве. Если мы будем сейчас идти на буксире у военных событий, потеряв всякое участие в них, влекомые их фатальным нагромождением, если мы будем созерцателями, а не созидателями первых звеньев в огромной цепи свершений, которую открывает теперешняя война, то, конечно, мы будем откинута властным потоком грядущих событий, как «рабы ничего не стоящие», и слава великих дел пройдет мимо нас.